Гуляющие сами по себе

Культура. – 1998. – 5 февр. – с. 12

Ольга СОЛОДОВА

Новосибирский 2-й Международный рождественский фестиваль искусств явил яркую мозаику из разных и по жанру и по способу творческого существования коллективов.

Имя создает судьбу

Отдав большую сцену мощному наступлению "Гаудеамуса" Льва Додина, новосибирский молодежный театр "Глобус" собственные успехи демонстрировал в Малом зале. Вполне оправдывая название, режиссеров для постановок "Глобус" ищет за пределами родного города. Приехавший из Санкт-Петербурга Вениамин Фильштинский для своих "Двух маленьких трагедий" взял у Пушкина не привычную "связку" – "Каменный гость" и "Скупой рыцарь", а заменил второй компонент "Русалкой". Замысел спектакля основывается на предположениях актера Владимира Рецептера, который в те же дни на сцене театра "Старый дом" озвучил свои выводы о законченности "Русалки" и приоритете раскаяния над местью как главном смысле пьесы.

Но от такого Дон Гуана, каким его играет Евгений Калашник, сложно ожидать не то что раскаяния, а даже осознания собственных поступков. Это усталый потрепанный фразер, а его отношения с женщинами стали просто не очень приятной привычкой. Не в пример Гуану, Князь у Дмитрия Готсдинера в "Русалке" с самого начала и осознает неправедность своих поступков, и готов все искупить.

Второй фестивальный спектакль Вениамина Фильштинского "Жадов и другие" по мотивам комедии Островского "Доходное место" – масочный и наглядно назидательный. Механический павлин-буфет, со скрежетом складывающий и расправляющий свой хвост (сценография Александра Орлова), стал символом этой идеи и механичности всего спектакля.

Иного Островского показал Валерий Фокин. Он поставил на сцене "Глобуса" "На всякого мудреца довольно простоты" под лаконичным названием "Наш человек". Под непонятную, но задевающую музыку Александра Баккши режиссер выпустил на авансцену "банду" персонажей, которые одинаково мыслят и схоже воспринимают окружающий мир. Крепко сбитый Егор Глумов (Вячеслав Ковалев) – первый в "банде". "Обогнал" Нила Мамаева (Александр Баравин) – многоговорливого советчика всего и всем, в своих апельсинного цвета пиджаках и с набриолиненным коком похожего на советника-попугая из детского фильма "Королевство кривых зеркал", супругу дядюшки Клеопатру (Галина Яськова) в вечно полурасстегнутом нижнем белье и всех остальных. Момент, когда это "благородное" общество открывает для себя глумовский дневник, Фокин сопоставил с финалом "Ревизора", превратив "немую сцену" в торжество Глумова.

"Случайный" театр

Городской драматический театр Новосибирска, в этом сезоне отмечающий свое десятилетие, создал человек, признающийся, что верит в случай. Тот самый случай, что раз от раза приводит в этот непонятный аппендикс в Доме культуры им. Октябрьской революции и местных театралов, и заезжих критиков. У этого театра под руководством Сергея Афанасьева есть большой "опыт размещения на малых площадях".

Чеховский "Дядя Ваня". Овин с льняными стенами и пучками соломы в них. "Рваный" срез верхнего этажа – как в чертежах, чтобы было можно разглядеть внутреннее устройство. Дядя Ваня у Сергея Новикова не мучается проблемой "пропала жизнь". Оттого все свои знаменитые жалобы он оформляет в дурашливый белый стих, будто развлекается. И Астров Владимира Лемешонка, приглашенного на эту роль из театра "Красный Факел", живет жизнью вполне гармоничной. Для чеховских спектаклей спокойное и довольное существование непривычно. Однако у Сергея Афанасьева Телегин учит работника играть на домре "Элегию" Массне, которая стала лейтмотивом спектакля. Здесь помещики, житейски точно и оттого еще более комично от лирических стихов переходят к более патетическим, завершают все пением народной "Дубинушки".

"Сцены деревенской жизни" сегодня иные. И в ГДТ идет спектакль по пьесе современного драматурга Игоря Муренко "Шутки в глухомани". Незатейливая история о муже, который решил проверить любовь жены и притворился мертвым. Гроб посреди избы и "покойник", на собственных поминках "хлопающий" рюмашку водки. Забежавший в дом "известный артист", оказавшийся пациентом "желтого дома". И в финале – выдвигающийся прямо из стены бесконечный стол с водкой, солеными огурчиками, пельменями.

Сцена из спектакля "Жадов и другие" новосибирского молодежного театра "Глобус"

"Рука" Петра Фоменко

Юные и энергичные подопечные Петра Наумовича Фоменко, чья Мастерская привезла на Рождественский фестиваль "Владимира III степени" и "Волки и овцы", в кресле главного режиссера "Красного Факела" нашли своего соученика Олега Рыбкина.

Его режиссерская работа – "Зойкина квартира" Михаила Булгакова и Юрий Дроздов за роль Аметистова выдвинуты на национальную театральную премию "Золотая маска-98". Визуальный ряд спектакля чрезвычайно насыщен. Сценограф Илья Кутянский на одной половине сцены поставил огромный железный шкаф-сейф, продолжающийся окном-витриной, в которой Аметистов показывает манекенщиц. Шкаф поглощает и отряд радостных синеблузников, и прячущуюся Зойку, и убегающего китайца. Спектакль выдержан в стиле 20-х годов без намеков на современность: ретро-костюмы, подчеркнутый грим. Аметистов – чертик в гриме "под Булгакова" окутывает происходящее мистическим налетом и бесследно исчезает после убийства напмана Гуся. Персонаж, чья суть "выпирает" и из рваной тельняшки, и из фрачной пары. Но увлечение формой перекрыло главное – булгаковский текст.

Под занавес фестиваля "Красный Факел" показал трагедию. Олег Рыбкин в единую линию свел историю царя Эдипа и его потомства из произведений Софокла и Эсхила. Спектакль-эпопея "Род" – зрелище мощное, страстное, с отличными актерскими работами. Лаконичная сценография Кутянского – несколько передвигающихся щитов-стен – это и Фивы с семью воротами, и дворец, и святилище.

Начинает спектакль страстный и сильный дуэт Владимира Лемешонка – Эдипа и Галины Алехиной – Иокасты. Трансформация спокойного течения жизни в земной ад происходит явственно и страшно. В каждом движении Эдипа – отчаяние, трагедия не царя, но человека, который несет ответственность за свои поступки по законам, которые установил себе сам.

Et cetera

Значимой составной частью Рождественского фестиваля оказались и мероприятия сугубо профессионального плана: мастер-классы режиссеров Резо Габриадзе и Льва Додина, лекции театроведов Анатолия Смелянского и Инны Соловьевой. Не остались в тени и иностранные гости. Болгарский театр "Кредо" привез свою версию гоголевской "Шинели" – изложение парадоксальное и столь же "гуляющее само по себе" от первоисточника, как Нос майора Ковалева. Вильнюсский Малый театр (режиссер Римас Туминас) показал "Маскарад", здесь к лермонтовскому тексту также подошли весьма смело и создали из трагедии яркое зрелище с пиротехническими эффектами на фоне красиво падающего снега. ●